

Б.С. Токмурзаев

КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Представлено содержание общественно-политического дискурса полемики второй половины XIX – начала XX в. в России о колонизации Степного края. Выявлены платформы репрезентации либеральных и консервативных подходов к оценке перспектив колонизации. Установлено, что в основе либерального подхода лежала идея сибирской региональной идентичности и в целом сибирского регионализма. Основу националистического дискурса составлял вопрос безопасности империи и преодоления сепаратизма окраин. Соперничество указанных подходов определило не только содержание общественно-политического дискурса, но и оказало решающее влияние на формирование правительственных практик, направленных на включение осваиваемой территории степной полосы в общеимперский конструкт.

Ключевые слова: дискурс; аграрная колонизация; переселенческое движение; национал-консерватизм; сибирское областничество.

Земледельческая колонизация Степного края являлась важным сегментом аграрной и переселенческой политики Российской империи, отражая дискретность и логику переселенческого процесса, представления власти и общества о задачах колонизации, что находило выражение в формировании имперского проекта и разработке практических решений, направленных на процесс инкорпорации региона в имперское пространство.

Общеизвестно, что в первые пореформенные годы вопросы аграрной колонизации Зауралья находились на периферии общественно-политического дискурса, а государственные структуры были сосредоточены, главным образом, на аграрных проблемах в центре страны, практически не включаясь в организацию переселений на восточные окраины империи. В качестве прямого свидетельства индифферентности государства к вопросам аграрной колонизации окраин служит переселенческое законодательство, впервые оконтурившееся только с принятием переселенческого закона в 1889 г. Косвенным подтверждением того, что российское правительство долгие годы не связывало вопросы аграрной политики с колонизационными перспективами, служит отсутствие до 1885 г. каких бы то ни было статистических изысканий о различных сторонах переселенческого процесса: численном и половозрастном составе, районах выхода и водворения, материальной обеспеченности переселенцев. Во многом поэтому переселенческое движение продолжительное время реализовывалось вне государственной юрисдикции. Показательно в этом смысле замечание В.К. Плеве: «...Вековое народное движение упорно идёт своим путём и, как вода, не направленная в заранее проложенное русло, переполняет одни местности и обходит другие [1. С. 127]. В этой связи исследователи Сибири, размышляя о специфических чертах её колонизации, резюмировали, что «история переселенческого законодательства есть история самовольных переселений» [2. С. 96]. В результате к 1890-м гг. самовольное переселение в Сибирь достигло своего пика – 78% всего движения [3. С. 189].

Одним из важнейших следствий развития переселенческого движения как самовольного становилось его веерообразность, когда партии переселенцев в

качестве районов расселения избирали ближайшие местности, а также близкие по природно-климатическим характеристикам к местам выхода. Немаловажную роль играла и принадлежность крестьянства к обществу традиционной культуры, в котором распространение информации и способы её интерпретации инициировали принятие решения о переселении в одну местность больших групп людей. Всё это приводило к весьма печальным последствиям и, в частности, быстрому сокращению сибирского колонизационного фонда. Во многом поэтому уже с 1870-х гг. траектория переселенческих потоков смещается в направлении южной степной полосы Западной Сибири.

Важным фактором, определившим смену вектора переселенческого движения, стали военно-стратегические и этнополитические устремления России. Правительственная колонизация южных степных пространств, начавшаяся в XVIII в., уже к концу первой четверти XIX столетия была в основном завершена. Стремительное продвижение русской оседлости на юг приводило не только к расширению колонизационных владений России, но и формированию новых административно-политических центров империи, соответственно реализующих в районах колонизации имперские представления о роли и назначении окраин в составе Российского государства.

Именно в 1870–1880-х гг. складываются базовые основания общественно-политического дискурса о путях развития окраин, в контекстных рамках которого конкурировали идеи сибирского сепаратизма (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин) и фундаментальные принципы теории «большой русской нации» (М.Н. Катков). В данном отношении решение инородческого вопроса посредством русской гражданской (читай: крестьянской) колонизации представлялось крайне привлекательным.

В вопросе колонизации Степного края присутствие двух конкурирующих позиций на длительную перспективу определило не только содержание общественно-политического дискурса, но и оказало решающее влияние на формирование правительственных практик в решении проблем, связанных с аграрной колонизацией степных областей, косвенно способство-

вало структурированию законодательных норм, направленных на достижение важнейшей стратегической цели имперских структур России – инкорпорацию осваиваемой территории степной полосы в общеимперский конструкт посредством фиксации в регионе земледельческой культуры, прямо и косвенно воздействовало на практики, применяемые административной бюрократией, ориентированные на вовлечение Степного края в общеимперский конструкт.

В данном отношении в эпицентре российской и сибирской общественности находился достаточно широкий круг вопросов, отражающих цели, потенциал и перспективы колонизации восточных окраин империи, репрезентируемых на страницах центральной и региональной периодической печати, научных монографий и научно-популярных сборников второй половины XIX – начала XX в.

К числу наиболее значимых проблем, включённых в дискурсивное поле, относились темы крестьянской колонизации как определяющего компонента имперской политики на окраинах, а также вариантов урегулирования инородческого вопроса, актуальность которого в имперском контенте не только не снижалась, но и по мере реализации текущих аграрно-земледельческих задач и эскалации крестьянской колонизации стремительно возрастала. К разряду ключевых аспектов дискурса следует отнести также тему локальных сообществ региона, имманентные свойства и характер взаимодействия которых определяли сложную палитру представлений власти и общества о задачах и практических приёмах, направленных на колонизационное освоение или имперское «присвоение» степных территорий. Тем самым можно говорить о том, что названные проблемы являлись неразделимыми, составляя, собственно, предмет дискурса, в семантических границах которого наиболее рельефно были запечатлены представления интеллектуальной части российского общества о Степном крае, населённом автохтонами, как районе русской земледельческой колонизации. Важно отметить, что отличительной особенностью публицистической риторики второй половины XIX в. являлось старательное избегание колониальной терминологии.

С одной стороны, это являлось свидетельством наличия «незримых» границ дискурса, установленных на имперском уровне. Действительно, европейский колониальный опыт в Северной Америке и Индии, а также использование классических, апробированных европейскими государствами стратегий колонизации, применяемых Россией в Закавказье, настраивали российские власти на изобретение альтернативных (сугубо национальных) подходов к реализации окраинной политики. В сложившейся ситуации укрепилось мнение, моментально подхваченное в публицистической среде, об исключительной роли крестьянской колонизации как важнейшем факторе имперской политики, направленной на «обживание» новых территорий.

С другой стороны, концепция приоритетной роли крестьянства и вольно-народного начала в колониационном процессе была в исследуемый период достаточно популярна и широко растиражирована в науч-

ной и публицистической среде, получив дополнительный импульс в пореформенное время, когда типично земледельческие районы Европейской России вступили в стадию крестьянского малоземелья и аграрно-экологического кризиса. Симптоматично, что по мере эскалации аграрных проблем в границах внутривосточных губерний в общественном мнении крестьянская колонизация определялась в качестве дополнения к колонизации военной. По замечанию Ф.М. Уманца, «именно для того, чтобы облегчить движение на Восток, необходимо обставить его земледельческим населением, надёжным в политическом отношении... вслед за военным занятием страны должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знамёнами, и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца» [4. С. 33].

Элементы «государственного заказа», присутствовавшие в начальный период формирования российского колониального дискурса, сочетались с известной «узостью» взгляда представителей общества на проблему аграрного освоения восточных окраин империи, когда переселенческое движение в целом и отдельные его проявления рассматривались исключительно с точки зрения экономических интересов центра страны, либо не вызывали у общественности какого бы то ни было отклика. Ф.М. Уманец, размышляя о колонизации свободных земель в России, с горечью констатировал незавидную роль интеллигенции в переселенческом вопросе, подчёркивая как полную индифферентность к колонизации и переселенческому вопросу в земских учреждениях, так и абсолютное непонимание существа проблемы. «В самом деле, – отмечал Ф.М. Уманец, – что такое предложение одного земского деятеля – переселить всех здоровых нищих на свободные казённые земли, если не отрицание неумолимого закона природы, или выдать 200–300 рублей каждой переселяющейся семье... что также ведёт к игнорированию основного закона природы, по которому люди, переселяющиеся пособия ради, только отягощают колонию...» [Там же. С. 4].

Корреспонденты журнала «Дело», размышляя о настроениях в обществе, констатировали: «Прислушиваясь к разговорам нашего общества, не знаешь, чем больше занято оно: положением ли крестьян, образованием народа, артельными сыроварнями или последней дракой госпожи Циклер с госпожой Трош в театре... Полнейшее отсутствие интересов и общественной жизни» [5. С. 6].

В оценке имперских планов и проектов колонизации степных пространств восточных окраин наиболее оформленной представляется позиция представителей сибирского областничества, что во многом объясняется большей включённостью региональной интеллигенции в обсуждение нужд Сибири. Так, Н.М. Ядринцев в статье, опубликованной на страницах газеты «Восточное обозрение», резюмирует: «Мы позволим себе заметить, что на окраине нашей начала помощи переселенцам уже положено... Трудно ожидать многого от “скупаю-

щей интеллигентной публики” столиц: она долго ещё будет философствовать, но есть люди в русских областях... которые могли бы поднять этот вопрос...» [6. С. 8]. Не случайно, что именно в публицистическом и научном наследии Н.М. Ядринцева отношение к колонизационному процессу в целом оказалось сформулировано наиболее отчётливо. Н.М. Ядринцев полагал, что колонизация являлась исключительно продуктом народного творчества, которое использовало и направляло самодержавное государство. По убеждению Н.М. Ядринцева, ставшего со временем идейным ядром областнического проекта колонизации, Сибири была уготована своего рода посредническая миссия, так как в силу своего географического положения она находилась на стыке двух миров – восточного и западного, выполняя исторически и геополитически роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала [7. С. 110]. В трудах сибирских областников ключевое значение принадлежало идее приведения Сибири в одно целое с Европейской Россией. Г.Н. Потанин, в частности, писал, что «установление единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою стра-ною, но и органическою частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения. Затем необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейскою частью России железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую территорию. Тогда само собою, совершенно естественно установится должный прилив населения из Европейской России в Сибирь, и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках. Только при этом условии и может явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацию «золотого дна» [8. С. 31].

Характерно, что в областническом дискурсе вопрос о колониальном статусе и будущем Сибири решался в тесной связи с урегулированием «инородческой» проблемы, которая являлась составной частью национального вопроса в России, что в значительной степени способствовало активизации публицистической полемики. Так, по мнению сибирских областников, Сибирь расценивалась, прежде всего, как штрафная колония, место ссылки уголовников, беззащитной эксплуатации природных богатств. При этом констатировалось отсутствие средств на культурные нужды, гарантий защиты прав народов, населяющих территории сибирского региона. Здесь важно отметить, что представления областников о существовании «инородческого» вопроса как важной составляющей колониационной проблематики, начиная с 1860-х гг., формируются как следствие практической работы, находившей выражение в активной экспедиционной деятельности.

Г.Н. Потанин, столкнувшись в ходе поездок на Зайсан и в Тарбагатай в 1863–1864 гг. с проявлениями новой для него кочевой культуры, пришёл к выводу о том, что к существующему в степи земледелию у казахов, хотя и спорадическому, следует отнести как к законному экономическому явлению [9. С. 29]. Гово-

ря о степном хозяйстве, Г.Н. Потанин подчёркивал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были исключительно развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т.е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие. «Теперь, – писал Г.Н. Потанин, – очень мало остается поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений, взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях» [8. С. 331]. В дальнейшем работа по этнографическому, географическому и экономическому изучению Степного края активно продолжалась. Согласно хронологическому списку экспедиций, поездок и экскурсий, совершённых позднее (с 1877 по 1908 г.) на средства ЗСОИРГО, 12 экспедиций из 78 преследовали сугубо этнографические цели, 29 снаряжено непосредственно в направлении областей и уездов Степного края (подсчёт мой – *Б.Т.*; см.: [10. С. 81–85]). Особенно большую работу проводил отдел по «инородческому» (киргизскому) вопросу в связи с заселением региона земледельческим сословием. Значительный вклад в изменение в обществе представлений о коренном населении степных районов Западной Сибири был внесён исследованиями по этнологии (Зеланд), религии и быту (Шестаков, Максимов), истории автохтонов Степного края (Катанаев), их переходу от кочевого к оседлому состоянию (Владимирский, Чермак), земледельческому опыту (Вяткин, Катанаев, Остафьев).

Данный подход, впервые обозначившийся в областническом дискурсе и подтверждённый выводами узких специалистов, совершенно не соответствовал распространённым в этот период эволюционистским «клише» о примитивности кочевых цивилизаций, для которых скотоводческая экономика являлась естественной формой, тогда как земледелие не играло серьёзной роли в организации степного хозяйства.

Всё это в конечном итоге способствовало смене содержания и интонаций либерально-публицистического

сегмента дискурса. По мнению областников, в среде русских сибиряков постепенно происходил процесс утраты этнокультурных связей со средой своего первоначального обитания. Данная идея легла в основу областнической теории о формировании в сложных природно-климатических и этнических условиях колонизируемого региона своеобразного сибирского варианта русской народности. В границах означенной теории происходила фиксация взаимных заимствований и культурного обмена между русскими переселенцами и автохтонными группами сибирского населения [11. С. 53–68]. При этом в либеральном сегменте общественно-политического дискурса всё чаще ставилась под сомнение сама мысль о выдающейся культуртрегерской миссии русского народа, причём в многочисленных работах речь шла как об общей бесперспективности и ограниченных ресурсах крестьянской колонизации, так и культурно-цивилизационной слабости русского крестьянина в условиях отрыва от привычной социокультурной среды.

С точки зрения либерального экономиста А.А. Кауфмана, причина переселений кроется в кризисе системы производства, и сам акт переселения, таким образом, становился «бегством крестьянина от культуры» [12. С. 132–138]. Размышляя о влиянии новосёллов на инородческое сообщество в Степном крае, исследователь писал: «Мы уже видели, что новосёлам многие склонны приписывать благотворное влияние на хозяйство кочевников-киргиз в смысле перехода к земледелию и оседлому образу жизни... Не отрицая известного влияния русской колонизации на развитие земледелия у северных киргиз, уже по чисто хронологическим соображениям нельзя видеть во влиянии русских поселений коренную причину развития в степи земледельческого промысла» [Там же. С. 342]. По определению А.А. Кауфмана, наплыв переселенцев-арендаторов оказывал на представителей автохтонного населения деморализующее воздействие. Называя переселенческое хозяйство русских крестьян «хищническим», исследователь приходил к выводу о том, что потребительское отношение к земле, распространённое в переселенческой среде, отсутствие культуры пашни воспринимались и инородческим сообществом [Там же. С. 342–343].

В известной степени А.А. Кауфман в своих рассуждениях не был одинок, что наглядно иллюстрируется комментариями политических ссыльных. Вот некоторые из них: «Среди разнообразных элементов, населяющих сибирскую деревню, нет только одного – русского» [13. С. 133]; «русский народ совершенно одичал в Сибири... сибирское население слишком часто, если не вообще – тупое и озлобленное...» [14. С. 224]. Более того, в отношении самих инородцев, в особенности тех, кто уже переходил к оседлому образу жизни, у либеральных публицистов присутствовало иное настроение. Так, Д.А. Клеменц отмечал: «Что касается оседлых аборигенов, то они... переходя к земледелию и оседлому образу жизни... не всегда утрачивают свои национальные особенности. Выстроив русскую избу даже с горницей, он в распределении вещей, в образе жизни по-старому живет, как в юрте» [15. С. 78–79].

Наконец, в ряде произведений исследователи уверенно констатировали факт «обынородчивания» русского населения в тех регионах Сибири, где оно, соседствуя с автохтонами, усваивало их привычки и образ жизни, утрачивая собственный русский тип [16. С. 423–424].

Сочленение крестьянской и «инородческой» темы в общественно-политической плоскости дискурса, содержание и тон которого менялись вследствие мощного влияния областнических идей, формировали в либеральной части российского общества убеждения, в соответствии с которыми имперская политика, в основании которой лежали патерналистские принципы с их устойчивой ориентацией на «слом» патриархальной организации образа жизни и хозяйственного быта коренного населения вкупе с практиками его «русификации», перестала соответствовать новым условиям жизни. Под влиянием Н.М. Ядринцева и его сторонников фиксировалась и получала широкое распространение мысль о важности и необходимости естественного культурного перехода для инородческого населения, тем более той его части, которая вследствие долговременного соседства и смешанных браков без насильственных мер широко обращалась к практикам земледелия [17. С. 111].

В частности, критика «бюрократических цивилизаторских проектов» (определение Н.М. Ядринцева) заселения степей, мешавших нормальному развитию кочевой культуры и прогрессу в системе координат кочевничества, в известной мере дезавуировала имперские планы отчуждения земель кочевников, а также ставила по сомнению эффективность имперских планов, в которых содружество «меча и плуга» определялись как своеобразная народная санкция имперской экспансии [18. С. 2].

Масштабность и приобретение абриса научной теории областническим проектом, распространение ещё не идей, но уже настроений сибирского регионализма вызвали серьёзные опасения во властных кругах, определив включение в дискурс националистически настроенной части общества. Отметим, что всплеск интереса к колонизационной теме в обществе был обусловлен ещё и тем, что в исследуемый период имперские и национальные амбиции, распространяемые на восточные окраины страны, существенно амортизировались формированием и ростом сибирской региональной идентичности, воспринимаемой консервативной частью российского социума в качестве реальной угрозы, обеспеченной ростом сепаратистских настроений. Этот процесс совпал по времени с польским национальным движением начала 1860-х гг., вызвал серьёзные опасения, вылившиеся в некотором смысле в фобию сибирского сепаратизма, зародившуюся, по выражению А.В. Ремнёва, раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистские настроения и появилось сибирское областничество [19. С. 10]. В рамках усиливающегося русского национализма, ярким идеологом и проповедником которого стал известный публицист и издатель М.Н. Катков, нарастает опасение возникновения конкурирующих национальных и региональных проектов, которые, как казалось, угрожают целостности империи.

В сложившихся общественно-политических условиях, как утверждает А.И. Миллер, мотив консолидации русской нации на основе культурно-языковых и политических критериев становился определяющим в публицистике М.Н. Каткова и его единомышленников [20. С. 61].

В «правой» публицистической риторике 1860–1880-х гг. очень чётко было зафиксировано обострение политической ситуации в стране в связи с актуализацией польских событий, а также зарождения украинофильства, что выводило на первый план проблему безопасности. В этом смысле весьма показательны перечень статей, опубликованных в «Московских ведомостях» за 1877 г., демонстрирующий востребованность и актуальность националистической журналистики и риторики: «Русское народное движение минувшего года»; «Интрига чужих и своих врагов против русского народного чувства»; «Негодование на органы печати смущающие русское патриотическое чувство»; «Глумление “Голоса” над патриотизмом русских публицистов»; «Бессовестность турецких газет» и т.д. [21. С. 1].

М.Н. Катков писал: «У нас весь народ заинтересован в общественной безопасности. Мы имеем исторически сложившиеся сословия, у нас есть сословные общества в городах и селах, которые могут лучше способствовать этому главному государственному делу, которое в то же время есть первый интерес всякой местности и всякого обывателя в ней. Не говорим ли нам нужны, не словоизвержения об общих принципах и вопросах. Нам нужно действительное участие действительных народных сил в охране общественного спокойствия» [Там же. С. 96]. Говоря о продуктивности и перспективах деятельности национальной партии, М.Н. Катков полагал, что это движение «может желать только того, что полезно России, что ей во благо, а не того, что либерально или консервативно. Наоборот, для людей антинациональной партии хорошо то, что ослабляет Россию в ее государственном составе, что вносит смуту в ее общественную жизнь: чем хуже, тем лучше, вот девиз этой партии» [Там же. С. 311].

Соображения безопасности, занимавшие в дискурсе адептов теории «большой русской нации» центральное место, неизбежно транслировались и на отношение к территориям, расположенным на восточных окраинах страны, занимавшим особое место среди других имперских окраин. В 1865 г. в связи с упразднением деятельности II Сибирского комитета министр народного просвещения А.В. Головин заявил, что в отличие от Польши и Финляндии Сибирь, Кавказ, Крым и Остзейские губернии являются составными частями Российской империи [22. С. 157]. По констатации М.И. Венюкова, «полное политическое спокойствие царствует на всём обширном пространстве от Урала до Тихого океана... В общегосударственном смысле северная Азия является не мятежной колонией... а простым продолжением империи...» [23. С. 114–115].

В контекстных границах националистического сегмента дискурса, в котором приоритетное положение занимала проблема безопасности империи, особое

значение придавалось инородческому вопросу. Характерно, что обоснование имперской экспансии было тесно связано с проблемой необходимости установления власти над народами, принадлежащими к неевропейскому культурному типу. В данном отношении сторонники М.Н. Каткова (В.В. Григорьев, М.И. Венюков, А.Е. Снесарев) к числу положительных качеств Российской империи относили то, что она была создана мирным (естественным) путём, вследствие органического роста и смешения русских с покорёнными народами. При этом всячески подчёркивался мотив «морального» превосходства русских. Так, рассматривая Россию в качестве европейской державы, М.И. Венюков и А.Е. Снесарев полагали, что русские как нация обладали особыми свойствами и качествами, которые позволяли им лучше понять азиатов, проникнуть в их мысли и стремления. Между тем в этой позиции отчётливо просвечивали патерналистские идеалы и настроения, подчёркивающие особую роль русского народа в окультуривании инородцев. М.И. Венюков, «разоблачая» кровожадность испанской и английской колонизаций, писал: «За сибирскими дикарями русский человек не охотится с ружьём и собакой, как англичанин за Маорисами в Новой Зеландии... Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям, и покорённые ими магометане, ламаиты и шаманы не лишены никаких гражданских прав за то, что они иноверцы» [23. С. 114–115]. В совершенно невинной, на первый взгляд, статье И. Гмелина, опубликованной на страницах «Русского вестника» и посвящённой поездке в Сибирь естествоиспытателей О. Финша и А. Брема, обнаруживаем замечательный пассаж по поводу сибирских комаров (в сущности – «инородцев». – *Б.Т.*): «Они враги более существенные, чем хищные киргизы...» [24. С. 424].

Идея имперского (русского) культуртрегерства в националистическом дискурсе была тесно связана с установлением православной религиозной доминанты. Показательно, что в данном аспекте происходило постепенное смещение акцентов национального вопроса: от западного (польского) к восточному (урало-сибирскому). При этом ситуация на западе задавала тон и настроение дискурса: «На западной окраине иностранные переселенцы, оставаясь в иностранном подданстве, заполнили нашу промышленность и захватывают самую землю; на восточной окраине, наоборот, мы не пускаем русских людей водворяться среди иноязычных местных населений» [25. С. 478–479]. И далее: «Вот почему, в виду стремящейся воспользоваться нашей слабостью и бездеятельностью магометанской пропаганды... расширяющей круг своего влияния и угрожающей распространить свой религиозно-нравственный авторитет на всём протяжении нашего инородческого востока, поддержание христианской миссии путём деятельных мер к организации её на прочных основаниях... должно войти в число главных задач государства, не только во имя отвлечённых принципов цивилизации, но и практических интересов его внутренней политики» [26. С. 64]. Корреспондентами «Русского вестника» также утверждалось, что «в видах не только более успешного распространения христианства, но и успехов гражд-

данственности среди инородцев и сближения их с русскими, не представляется более надёжного средства как назначение главных родоначальников, голов инородных управ и родовых старост из христиан, знающих русский язык» [27. С. 371].

Накануне 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России катковские издания стремились усилить государственное значение исторических событий трехвековой давности, констатируя, что главным результатом «священного подвига» Ермака стало превращение Сибири в неотъемлемую часть России: «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток – она есть существенная часть России, и таковою ей следует быть во всем ее гражданском устройстве» [Там же. С. 996]. Газета «Московские ведомости», редактором которых с 1863 г. являлся М.Н. Катков, обозначила в своих публикациях четыре ведущие сибирские темы, погруженные в новый имперско-национальный контекст: «сибирский сепаратизм», активно проповедуемый региональной прессой; «польский вопрос» и влияние политических ссыльных; сибирский университет как оплот будущей антиправительственной оппозиции и железная дорога в качестве новейшего средства скрепления государственного и национального пространства.

Последняя тема, связанная с железнодорожным строительством, органично вплеталась в общую канву националистического дискурса, составляя единый блок с инородческой и переселенческой проблематикой. Активное обсуждение на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» железнодорожного дела с выходом на вопросы колонизации началось в 1883 г. со скромной, однако весьма претенциозной заметки «Плохое состояние нашего железнодорожного хозяйства», в которой корреспонденты обозначили основные имперские приоритеты: «Мы не раз высказывались по поводу непосредственного подчинения железных дорог правительственной власти с устранением господствующего на них произвола частных компаний...» [28. С. 230]. Обретение железной дорогой правительственного статуса, как полагал М.Н. Катков, приведёт к тому, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение» [29. С. 367]. В 1884 г. железнодорожная тематика «дрейфует» в сибирском направлении, а тон публикаций становится более агрессивным, что объяснялось полемичностью вопроса о направлениях строительства Сибирской железной дороги: «Из Петербурга идут опять недобрые вести на счёт злополучной Сибирской железной дороги. Сибирь называют “золотым дном”, но пока мы десятки лет думаем и решаем, в каком направлении вести сибирскую железную дорогу, иностранная промышленность спешит завладеть этим “дном”. Направляя железную дорогу на Нижний, Казань, Екатеринбург, мы соединяем Камско-Волжский край со всею Россией!!!» [29. С. 127]. Показательно, что в 1884 г. «Московские ведомости» опубликовали общим числом 12 статей, в которых авторы так или иначе обращались к теме перспективы сибирской железной дороги. Наконец, в 1886 г. русские националисты, окончательно определили своё отношение к дорогам с точки зрения вовле-

чения окраин в имперское поле: «У нас в последнее время очень много писали о стратегических железных дорогах... Установился взгляд, что стратегическая дорога есть дорога бездоходная; но доходные дороги, по которым из центра к окраинам двигаются массы товаров, они то и есть самые стратегические» [30. С. 495].

Дискуссия между сторонниками колонизации и её противниками, с одной стороны, нашла отражение на страницах местной и центральной печати. Так, Г. Валихан, протестуя против изъятия зимовок под нужды переселения, писал, что «отобрание у киргиз таких мест сделает положение их в крае невозможным». С другой стороны, «Киргизская степная газета» неоднократно поддерживала переселенческую политику правительства и в 1894 г. в одной из статей заключала: «Нельзя же не только в интересах общего благосостояния, но и во имя простой справедливости допустить, чтобы в одном месте государства сельские обыватели имели ничтожные клочки земли, совершенно не обеспечивающие их семьи, а в другом – на каждую семью приходилось сотни десятин». Много противников колонизации степи было среди работников местной администрации, представители которой весьма прагматично смотрели на процесс переселения и на практике имели дело с примерами реальных осложнений в хозяйстве казахов и прочих последствий этого явления. Степной генерал-губернатор в отчете за 1901–1902 гг. обращал внимание вышестоящих органов, что «водворение переселенцев ограничило кочевнику простор не только в смысле количества, уменьшением площади кочевья, но и в отношении использования этого простора, сузив кочевые пути и отрезав от воды. Наносимый удар экономическому положению кочевника продолжает развиваться... Таково не столь культурное, а пока скорее отрицательное для массы киргизского населения значение фактора водворения переселенца в степи...» [31. С. 3]. Неудивительно, что мнение о необходимости сохранения кочевого хозяйства в Степном крае высказывалось и в самых высоких кругах. Так, совещание по вопросу об исследовании степных областей, проходившее в Петербурге 18 марта 1895 г., пришло к выводу, что «...кочевое хозяйство является в значительной мере результатом не культурной отсталости кочевников, а естественно-исторических условий, делающих земледельческую эксплуатацию тех или иных пространств невозможною» и что «кочевники должны быть сохранены как элемент полезный государству, позволяющий последнему пользу из таких площадей, которые иначе были бы мертвыми пустынями...» [31. С. 3]. Однако, как известно, победила иная точка зрения, и регион на многие годы стал объектом земледельческой колонизации крестьян-переселенцев из европейской части Российской империи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в протяжении второй половины XIX – начала XX столетий параллельно с усложнением аграрного вопроса в центре страны и расширением империи на восток, в направлении сибирских пространств и, в частности,

территорий Степного края, происходило становление базовых основ общественно-политического дискурса, репрезентировавшего на страницах периодической печати, научных монографий, сборников статей либеральный и националистический подход к оценке перспектив и вариантов аграрного освоения восточных окраин страны. Трансляторами либеральных подходов выступали такие общественно-политические издания, как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Дело», «Восточное обозрение», «Сибирь». Национал-консервативная позиция наиболее последовательно отстаивалась на страницах газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

Становление общественно-политического дискурса совпало, а во многом стало следствием формирования сибирской либерально-народнической интеллигенции, профессиональная консолидация которой проходила в условиях влияния российских и западноевропейских федералистских теорий. На этой основе выстраивалась концепция колониальности Сибири, в рамках которой адепты сибирского областничества могли озвучить экономические, культурные и, отчасти, политические претензии имперскому центру. Узловым элементом либерального дискурса в связи с оценкой перспектив аграрной колонизации являлась идея сибирской региональной идентичности и в целом сибирского регионализма. В результате в локусе внимания сибирских либералов оказались вопросы, по существу чуждые имперскому пониманию задач, связанных с освоением окраин страны: решение инородческой проблемы, максимальный учёт интересов всех категорий населения в осуществлении колониационных мероприятий. В данном отношении именно либеральная публицистика в противовес своим оппонентам высказала сомнения относительно культуртрегерского потенциала русского крестьянства, что во многом способствовало освобождению общества от идеалистических оценок культурного потенциала крестьянства и в известной степени амортизировало форсированную русификацию иноэтничного населения, активно колонизируемого на рубеже XIX–XX вв. Степного края.

Противоположный взгляд фокусировался в научных трудах, полемических заметках, отдельных высказываниях сторонников теории «большой русской нации», активно пропагандируемой её автором М.Н. Катковым и его единомышленниками – В.В. Григорьевым, А.Е. Снесаревым, М.И. Венюковым, А.И. Васильчиковым и др.

В эпицентре националистического аспекта дискурса располагался вопрос безопасности империи, интенсивно тиражируемый в связи с обострением русско-польских отношений, распространением идей украинофильства и сепаратистских настроений на западных окраинах империи. М.Н. Каткову и его сторонникам представлялось, что сепаратистские тенденции, свойственные обществу в пределах западных территорий, столь же отчётливо могут проявить себя в границах восточных окраин империи. На этой основе формировались ощущение, что именно Сибирь может выступить своеобразным «полигоном», в системе координат которого преодоление локальных этнографических особенностей и сословных различий откроет возможности для успешной реализации проекта создания единой нации и единого русского гражданства. В правом националистическом дискурсе ставка была сделана на русского крестьянина-переселенца, способности которого к колонизации рассматривались как имманентные, природные. Считалось, что именно русский крестьянин выступит в степных регионах в качестве транслятора русской культуры и православного мировоззрения, тем самым способствуя распространению начал гражданственности среди инородцев. Так, адепты теории «большой русской нации» обозначили в дискурсе основные положения «внутреннего империализма», конкурировавшие с либеральным пониманием сибирских пространств как обособленных, самостоятельно развивавшихся территорий в западноевропейских колониальных традициях. В результате продуктом подходов, зафиксированным участниками дискурса, стали имперские представления о роли региона и степных его фрагментов в колониационном процессе, а также проектах и практиках, направленных на их освоение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. 167 с.
2. Внутреннее обозрение // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С. 92–97.
3. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
4. Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб. : Б.м., 1884. 243 с.
5. Внутреннее обозрение // Дело. 1872. № 5. С. 3–12.
6. Ядринцев Н. В пустыне // Восточное обозрение. 1885. 16 мая. С. 6–22.
7. Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб. : Инфо-да, 2004. 265 с.
8. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 31–48.
9. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
10. Записки ЗСОГРГО. Т. XXXIX. Омск, 1927. Приложения. С. 81–85.
11. Головачёв П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // Землеведение. 1902. Кн. 2, 3.
12. Кауфман А.А. Переселение и колонизация: [С прил.]. Ч. 1. Государство и переселения. 1861–1894. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905.
13. Елпатьевский С.Я. Чужая земля // Страна без границ: кн. Для учащихся 8–11-х классов. Тюмень, 1998. Кн. 1.
14. Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
15. Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и её нужды : сб. ст. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 36–79..
16. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв и др., М. : НЛЮ, 2007. 368 с.
17. Ядринцев Н.М. Инородцы Сибири и их вымирание // Русская мысль. 1883. № 3. С. 82–128.
18. Ядринцев Н.М. Заселение киргизских степей // Восточное обозрение. 1882. 5 авг. С. 1–2.

19. Ремнёв А.В. Призрак сепаратизма // Родина. 2000. № 5. С. 10–17.
20. Миллер А.И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* : сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М. : НЛО, 2010. С. 42–66.
21. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897. 1877–1884 гг.
22. Ремнёв А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderweg»? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* : сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М. : НЛО, 2010. С. 150–182.
23. Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб. : Б.м., 1877.
24. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэмма. М. : Типография М.Н. Лаврова и К°, 1882. 582 с.
25. Современная летопись // *Русский вестник*. 1884. Т. 177. С. 471–480.
26. Юзефович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // *Русский вестник*. 1883. Т. 164. С. 48–66.
27. Современная летопись: Гонение на православие в России // *Русский вестник*. 1883. Т. 164. С. 365–376.
28. Шенк Ф.Б. Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* : сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М. : НЛО, 2010. С. 354–381.
29. Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
30. Современная летопись: Меры против наплыва русского элемента в Привислинский край // *Русский вестник*. 1886. Т. 182. С. 490–497.
31. Киргизская степная газета. 1894. 19 мая. С. 2–3.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 августа 2018 г.

Colonisation of the Steppe Krai in the Socio-Political Discourse of the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 163–171.

DOI: 10.17223/15617793/438/21

Bakyt S. Tokmurzayev, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakstan). E-mail: proff.om@yandex.ru

Keywords: discourse; agrarian colonisation; resettlement movement; national conservatism; Siberian regional separatism.

The aim of the article is to reveal the content of the socio-political discourse about the colonisation of the remote territories, in particular, the Steppe Krai (Governor-Generalship of the Steppes). In the 1870s and 1880s, the fundamentals of the socio-political discourse on the development of outlying regions (in particular, the Steppe Krai) were being formed. Within the contextual frame of this discourse, the ideas of Siberian separatism and the basic principles of the theory of the “Great Russian Nation” were competing with each other. The presence of the two competing positions in the agrarian colonisation of the steppe regions not only predetermined the content of the socio-political discourse but also greatly influenced the formation of governmental practices in the region directed at the incorporation of the Steppe Krai under development into the all-imperial construct. The discursive field included the issues of peasant colonisation, solution to the problems of non-Russians, organisation of local communities in the region. The main source of research is periodical materials, scientific monographs, collections of articles of liberal and nationalistic orientation that covered the key aspects of the socio-political discourse. The liberal ideas were covered by socio-political periodicals such as *Vestnik Evropy*, *Russkaya Mysl'*, *Delo*, *Vostochnoe Obozrenie*, *Sibir'*. The national-conservative position was serially advocated by the newspaper *Moskovskie Vedomosti* and the magazine *Russkiy Vestnik*. The method of continuous viewing of the texts of articles, speeches, comments used in the study allowed to reconstruct the main positions of the discourse of the authorities and society. In this way, the liberal segment of the discourse was based on the idea of Siberian regional identity and Siberian regionalism on the whole. Siberian liberals focused their attention on the issues which were alien to the imperial understanding of objectives concerning the development of the outlying regions of the country. It was liberal political journalism that, in contrast to its opponents, expressed doubts over the “kulturtraeger” potential of Russian peasantry, which contributed to the liberation of society from the idealistic assessments of the cultural potential of peasants. The nationalistic discourse was based on the security of the empire and prevention of any separatism in the outlying regions. The Steppe Krai positioned itself as a “proving ground” in which the overcoming of local ethnographic features and class distinctions would open up opportunities for a successful implementation of the project aimed at forming a unified nation and a unified Russian State of an imperial type.

REFERENCES

1. Ostrovskiy, I.V. (1991) *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma* [The agrarian policy of Tsarism in Siberia of the imperialist period]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Voprosy kolonizatsii. (1914) Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Voprosy kolonizatsii*. 14. pp. 92–97.
3. Churkin, M.K. (2006) *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [The resettlement of peasants of the black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: the determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
4. Umanets, F.M. (1884) *Kolonizatsiya svobodnykh zemel' Rossii* [Colonization of free lands of Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Delo. (1872) Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Delo*. 5. pp. 3–12.
6. Yadrintsev, N. (1885) V pustyne [In the desert]. *Vostochnoe obozrenie*. 16 May. pp. 6–22.
7. Emel'yanova, T.N. (2004) *Oblastnichestvo N.M. Yadrintseva kak filosofiya rossyskoy deystvitel'nosti* [Regionalism of N.M. Yadrintsev as a philosophy of Russian reality]. St. Petersburg: Info-da.
8. Potanin, G.N. (1884) *Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri* [Conquest and colonization of Siberia]. *Zhivopisnaya Rossiya*. 11. pp. 31–48.
9. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopaedist of Siberia: Experience of understanding the personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
10. Omgospoligraf. (1927) *Zapiski ZSOGRGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. XXXIX. Omsk: Omgospoligraf.
11. Golovachev, P.M. (1902) *Vzaimnoe vliyaniye russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri* [Mutual influence of the Russian and non-Russian population of Siberia]. *Zemlevedenie*. 2, 3.
12. Kaufman, A.A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. t-va “Obschestvennaya pol'za”.

13. Elpat'evskiy, S.Ya. (1998) Chuzhaya zemlya [Alien Land]. In: Gorbacheva, N.N. & Rogacheva, N.A. *Strana bez granits* [Country Without Borders]. Book 1. Tyumen: SoftDizayn.
14. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsenerii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th -- early 20th centuries]. Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
15. Klements, D. (1908) Naselenie Sibiri [Population of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
16. Dameshek, L.M. et al. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: NLO.
17. Yadrintsev, N.M. (1883) Inorodtsy Sibiri i ikh vymiranie [Siberian non-natives and their extinction]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 82–128.
18. Yadrintsev, N.M. (1882) Zaselenie kirgizskikh stepey [Settlement of the Kyrgyz steppes]. *Vostochnoe obozrenie*. 5 August. pp. 1–2.
19. Remnev, A.V. (2000) Prizrak separatizma [The phantom of separatism]. *Rodina*. 5. pp. 10–17.
20. Miller, A.I. (2010) Priobretenie neobkhodimoe, no ne vpolne udobnoe: transfer ponyatiya natsiya v Rossiyu (nachalo XVIII – seredina XIX v.) [The acquisition necessary, but not entirely convenient: transfer of the concept of a nation to Russia (beginning of the 18th – mid-19th cc.)]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: NLO.
21. Katkov, M.N. (1897) *Sobranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey* [Collection of editorial articles of Moskovskie Vedomosti]. Moscow: Izdanie S.P. Katkovoy.
22. Remnev, A.V. (2010) Rossiyskaya vlast' v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: kolonializm bez ministerstva koloniy – russkiy "sonderweg"? [Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without the ministry of colonies – the Russian "sonderweg"?]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: NLO.
23. Venyukov, M.I. (1877) *Rossiya i Vostok. Sobranie geograficheskikh i politicheskikh statey* [Russia and the East. Collection of geographical and political articles]. St. Petersburg: [s.n.].
24. *Finsch, O. & Bram, A. (1882) Puteshestvie v Zapadnyu Sibir' d-ra O. Finsha i A. Brama* [Travel to Western Siberia]. Translated from English. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova i K°.
25. Russkiy vestnik. (1884) Sovremennaya letopis' [Modern chronicle]. *Russkiy vestnik*. 177. pp. 471–480.
26. Yuzefovich, B.M. (1883) Khristianstvo, magometanstvo i yazychestvo v vostochnykh guberniyakh Rossii [Christianity, Mohammedanism and paganism in the eastern provinces of Russia]. *Russkiy vestnik*. 164. pp. 48–66.
27. Russkiy vestnik. (1883) Sovremennaya letopis': Gonenie na pravoslavie v Rossii [Modern chronicle: Persecution of Orthodoxy in Russia]. *Russkiy vestnik*. 164. pp. 365–376.
28. Shenk, F.B. (2010) Vliyanie mezhnatsional'nogo i mezhiperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitel'stva v tsarskoy Rossii [Influence of interethnic and inter-imperial perception and rivalry on the policy of railway construction in Tsarist Russia]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: NLO.
29. Katkov, M.N. (2009) *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of preservation]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
30. Russkiy vestnik. (1886) Sovremennaya letopis': Mery protiv naplyva russkogo elementa v Privislinskiy kray [Modern chronicle: Measures against the influx of the Russian element in Poland]. *Russkiy vestnik*. 182. pp. 490–497.
31. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. (1894) 19 May. pp. 2–3.

Received: 06 August 2018